

ИНДУЛЬГЕНЦИЯ НА ВСЕДОЗВОЛЕННОСТЬ

Низвержение из невообразимо далекого, совершенно непонятого, немислимого небытия в незнакомый и загадочный, но многообещающе прекрасный поднебесный мир не так уж просто. Это не обыденное какое-нибудь пробуждение. Вероятно потому, падая, успеваешь так напугаться, что забываешь, кто ты таков. Напрочь забываешь все или почти все, захлебнувшись этим вопиюще безобразным ужасом падения, словно мчишься не к назначенному уделу, а летишь головой вниз, сорвавшись с крыши самого высокого небоскреба. И когда уж кажется, что через мгновенье расшибешься не в лепешку, не в брызги даже, а просто во вспышку, когда от беспримерной скорости небывалого паденья ветрами разграничивающих межвремений срывает с тебя память, как тряпицу, вдруг, беспомощный и неразумный, оказываешься там, где и должен был очутиться, — в черной слякотной борозде. И не понимая еще, куда попал, начинаешь с чистого листа свое знакомство с миром.

Первое, что он почувствовал, будучи еще не в состоянии что-либо увидеть или понять, была влага. Она истекала отовсюду, омывала, проникала внутрь, не давая иссохнуть, и казалась желанной. Отвергнуть ее было невозможно, да и немислимо. Сперва, правда, только оболочка набрякла, стала мягкой, податливой, а затем уж впустила влагу внутрь. Но не текучим потоком, и не соча каплями, а являя незаметно, чудесно, будто некий магический эликсир, от которого внутри себя самого он начал разбухать, тесниться, медленно и неловко ворочаться, пытаясь распрямиться, пробуя на прочность стенки своего кокона, своей размякшей от влаги оболочки.

Это продолжалось очень недолго. Ему же, напротив, казалось, что он всегда боролся с теснотой в себе самом, что там, внутри себя, он неизмеримо больше того пространства, в которое его заперли, что ему жизненно необходимо найти способ взломать, сокрушить эту зловещую темную тесноту. А когда оболочка и впрямь лопнула под его напором, он, пусть и не очень решительно на первых порах, самозабвенно устремился вверх.

Несмотря на то, что замкнутость пространства его будто отпустила, освободила, темнота, как и прежде, царила кругом. Его не пугало, что приходится пробираться ощупью в этом дрящемся мраке, огибая невидимые и, может, потому непостижимые препятствия, а которые легче, податливей, то и двинуть с дороги, собравшись с силами. Он не помнил, что ему следует делать, но как-то знал, что поступает верно. Кроме того, ему это нравилось.

Но и это движение было недолгим. Мчащиеся стремглав сквозь похожую тьму звезды не успели разлететься кто куда, скрыться за горизонтом, подобно птицам, даже изменить узор созвездий, двинувшись с занимаемых ими на небосводе мест не сумели, когда он, наконец, смог увидеть их, похожих для глаз, не видевших еще ничего, кроме тьмы, на булабочные уколы. Не колющие, однако, а лишь похожие на них.

Теперь он смог выпрямить свой тонкий стан, поднявшись над землей. Пусть пока невысоко, всего на сантиметр, и все же это подобало принимать как победу. Над тьмою подземелья, над тяжестью комьев...

Взлетело праздничное солнце, ряженое в сияние своих одежд, словно ко дню его рождения. Осыпало теплом и светом, будто милостями. И он, понимая, что должно ему тянуться к этому благосклонному покровителю, устремился к нему, да тут же и почувствовал, что не просто тянется теперь, и не просто полз меж земляных комьев прежде, а рос и растет! Да-да, растет и крепнет. Стебель становится толще, прочнее, лист шире, длиннее, а там, в земле, откуда он так недавно выбрался, осталась часть его, питающая его и посылающая ему силы подниматься все выше.

Так прошел первый день, в котором он словно в счастье купался. Многого узнать или понять не удалось, но главное он понял: он растет, питаемый корнями, неразрывно с ними связанный. Он растет потому, что обласкан солнцем, благодетелем, притягивающим его многими незримыми нитями лучей, похожими на сотни и тысячи гипнотически манящих взглядов.

Наступившая ночь бодрила прохладой, удивляла звездным хороводом, так же, как день, научая чему-то своему, тоже имеющему отношение к миру, к его новой жизни...

Следующим утром (подумать только — целые сутки он уже прожил под небом!) он встретил солнце как старого доброго друга и снова убедился в его щедрости. А затем — о чудо! — вокруг, сколько хватал глаз, увидел многих своих собратьев, немного отставших от него, и теперь, чуть приподнявшись над землею, как он сам только вчера, удивленно пьющих воздух, сияющих зеленью, протягивающих солнцу еще не очень-то похожие на листья ростки. Они не могли не подружиться, даже едва познакомившись. И этой дружной семьей зажили беззаботно и радостно.

Однажды, когда их листья уже были похожи на озерную рябь под порывистыми ладонями налетевшего ветра, к их стеблям упали семена, принесенные этим самым ветром из несусветного далека, словно бы из-за моря-окияна. Никто не огорчился появлением пришельцев. Скорее наобо-

рот, было беззаботное ликование — ведь их дружное сообщество станет больше, а значит, богаче новыми связями, общением, новой дружбой. Они заботливо прикрывали принесенные семена, чтобы избыток солнца не иссушил их, не пускали к земле ветер, чтобы не сдул гостей, не прогнал из борозды, где семена эти могли достать хоть немного влаги. Они искренне надеялись, что не исчезнут втуне их радения, помогут проклюнуться настоящим зеленым росткам из этих таких легковесных зерен.

Не были напрасны их труды. Очень скоро у принесенных семян лопнули, будто взорвались их оболочки. И споро, деловито потянулись вверх на глазах крепнущие ростки с незнакомой формы широкими зелеными листьями. А землю властно раздвинули и стали уверенно буравить мощные мясистые корни.

— Ну что ж, — прежде подумав, решили хозяева поля, — что они, не такие, как мы?

— Может, смешавшись с ними, мы создадим новую культуру, — сами-то они были растениями культурными.

И они стали ждать, когда наступит пора цветения. А там, опылившись, станут они растить колос. Но вышло совсем по-иному.

Раскинувшие сети корней, все тянущих к себе, перехватывающих, пересекающих, душающих корни хозяев, пришельцы стремительно шли в рост. Они умели, накапливая влагу в толстенных стволах своих корней, пользоваться ею, иссушив почву в долгое отсутствие дождей, когда хозяева страдали и мерли от голода, ропща на жгучесть ранее благодатных лучей. И тогда пришлось говорить о хищничестве пришельцев, о недопустимой их бесцеремонности, выражать им свое презрение, но...

Мало того, что они отбирали питание, их невероятно толстые и очень прочные стебли поразительно быстро тянулись кверху, рьяно обгоняя ростом хозяев, а огромные зеленые листья стали закрывать собою солнце, выпивая все его тепло, весь его милостивый свет, нисколько не озаботившись чьей-то чужой нуждой в своей толике тепла.

И зацвели, и опылились они скорее, чем уцелевшие еще исконные жители поля, давно уж начавшие роптать, впрочем, безуспешно. Ибо новые властелины поля не умели любить, давно разучились дружить. Заботясь лишь о подземной влаге да солнечном свете, ревностно следили за тем и другим при помощи рейтингов и не обращали на ропщущих ровным счетом никакого внимания.

Когда же стали осыпаться и тут же проклевываться мириады семян, рожденные уже на этом поле у занесенных хищников, взмолились куль-

турные растения, возопили о помощи. Но к кому? К Нему? Им избранный Себе удел лишь созерцать... К новым хозяевам поля? Но они ведь всем довольны. К тем, кто должен бы приглядывать за полем? Похоже, те забыли о нем... Или потеряли к нему интерес? Может, они предпочли большие зеленые листы пришельцев? А может, с их попустительства... позволения?.. Те зерна, что так стремились взрастить культура, калечатся...

Взывая, не стали они думать о том, к кому взывать, но каялись перед небом и солнцем в ошибках, твердили, что новой культуры не выйдет, и что нужно спасать урожай...

